

© 1990 г.

С. А. А р у т ю н о в

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКАХ

В предыдущем номере журнала «Советская этнография» напечатаны статьи С. В. Чешко и Л. С. Перепелкина¹. Они в какой-то мере являются продолжением диалога, начатого в ряде публикаций и выступлений, в основном на страницах журналов «Коммунист» и «Советская этнография», целого ряда авторов — Ю. В. Бромлея, В. А. Тишкова, С. В. Чешко, выражающих с некоторыми вариациями одну точку зрения, и О. И. Шкаратана, Л. С. Перепелкина, В. В. Коротеевой, защищающих во многом противоположные позиции в вопросе о соотношении проблем этнокультурного развития с задачами экономического, политического и территориально-административного развития².

Не могу не выразить сожаления по поводу того, что в двух последних публикациях содержательная часть в значительной мере заслонена взаимными придирками, язвительными замечаниями, поучениями и другими компонентами, позаимствованными из стихии митингово-площадных дискуссий, но не обязательными на страницах академических журналов.

Не буду более распространяться на эту тему, а перейду к существу вопроса. Прежде всего хочу отметить тезис С. Чешко, что «мы строим теоретические концепции, исходя прежде всего из собственных политических убеждений и вкусов». А может ли быть иначе? Думаю, что ни С. Чешко, ни Л. Перепелкин не осознают себя выразителями интересов конкретных общественных прослоек, не говоря уже о классах, и на эту роль не претендуют. И тем не менее весьма вероятно, что положения С. Чешко найдут поддержку у значительной части представителей партийно-административного аппарата, а идеи Л. Перепелкина — среди, допустим, кооператоров и арендаторов. При этом хотелось бы подчеркнуть, что автор настоящей статьи не связывает с этими социальными категориями никаких заранее заданных аксиологических коннотаций — ни отрицательных, ни положительных.

Смысл существования любой административно-территориальной единицы — независимого государства, штата, города, автономии, кантона, уезда, волости, сельсовета — состоит в решении определенных социальных и экономических задач. Разумеется, решение это всегда частично — сейчас любая социальная и экономическая задача обретает (если обретает) свое полное решение в конечном счете только в рамках всего мира, местная же доля в этом решении может быть и очень велика, и относительно невелика, но она всегда присутствует. Предприятия — фабрики, мастерские, фермы, отели — могут принадлежать кому угодно — государству, иностранной фирме, коллективу кооператоров, отдельному лицу, муниципалитету, коммуне и т. д., но они неизбежно потребляют местные ресурсы (хотя бы воду, если даже все сырье привозное), местную рабочую силу (даже если она приезжая, ее рекреационное поддержание происходит на местной территории), а отходы этих предприятий неизбежно загрязняют местную природную среду. Дотации и кредиты «извне» и «из центра» могут и должны иметь место для конкретных целей, но обязательно должны быть и весомые отчисления всех предприятий на территории данной единицы в местный бюджет помимо всяких вышестоящих перераспределителей типа Минфина. Любая иная постановка вопроса есть легализация ограбления данной территории и ее населения.

Ярчайшим примером такого ограбления в нашей стране является положение Тюменской области и особенно ее коренного населения, которое не только не получает благ, сколько-нибудь соизмеримых со стоимостью выкачиваемой из его угодий нефти, но даже, наоборот, в результате изуродования этих угодий поставлено на грань полной экономической и культурной деградации.

Всемирная интеграция экономики — все глубже реализующаяся тенденция мирового развития. Вряд ли найдется на территории Европы предприятие, на котором, пусть многократно опосредованно, не отразилось бы воздействие нефтяного кризиса 1973 г. или чернобыльской катастрофы 1986 г. Но наряду с тенденциями региональной, континентальной, общемировой интеграции нарастает и будет нарастать тенденция к усиленной защите своей самостоятельности. Это совершенно закономерная реакция на рост этой зависимости от общемировой ситуации, каждого от всех. Она растет и на уровне индивидов (борьба за права человека есть ее частное проявление), и на уровне территориальных единиц, и на уровне этносов³.

Весь исторический процесс, начиная с распада первобытнообщинного строя, представлял собой до определенного момента нарастающее «делеги́рование» власти снизу вверх, или, точнее, узурпирование ее верхами. Но проходил он внутри более или менее замкнутых, самодовлеющих, мало зависящих одно от другого обществ. Своего пика, пожалуй, этот процесс достиг в эпоху абсолютизма, с его образом «короля-солнца», с идеей крайнего этатизма, с лозунгом «государство — это я». С переходом к индустриальному обществу в процессе этом наметился перелом: с возрастающей зависимостью обществ, народов, государств одно от другого начался и обратный процесс разукрупнения власти, развития концепций местного самоуправления, обретения все большей и большей полноты властных функций все более и более низовыми органами управления. Сюда относятся и процесс распада империй, деколонизации, и процессы федерализации и автономизации, и повышение роли муниципалитетов в жизни общества, и многое другое. Сталинская политика централизации была выражением регресса нашего общества, его возврата к имперско-деспотическим структурам власти. Прогресс нашего общества невозможен без перманентного процесса обратной передачи узурпированной власти сверху вниз, от «центра» (союзного правительства) республикам, от республик — областям и районам и даже от областей и районов сельсоветам или горсоветам. В открытую борьбу за это сегодня включились Верховные Советы ряда республик и некоторые горсоветы, но это только начало.

Взросшая полнота власти на местах не должна отождествляться с реальным полным хозрасчетом. Настоящий хозрасчет означает, что нерентабельное предприятие неминуемо должно обанкротиться и закрыться. Между тем редкое государство сегодня обходится без многомиллионных долгов, и хотя долги эти порождают немало болезненных проблем, государства-должники продолжают более или менее благополучно существовать: никто не пытается их «закрыть» и пустить с молотка. Это же относится и к штату, городу, области, району: они гораздо легче могут получить спасительную дотацию из «центральной» по отношению к ним казны, чем отдельные «хозрасчетные» предприятия (хотя для спасения особо важных предприятий подобные дотации тоже иногда могут вводиться). Территориально-административный хозрасчет, в частности республиканский, — понятие условное. Реально оно может быть раскрыто только как экономический суверенитет данной административной или государственной единицы (республики, области, коммуны, штата, округа и т. д.), понимаемый прежде всего как право распоряжаться ресурсами данной территории, и фискальный суверенитет, т. е. право вето на строительство, право взимания налогов и т. д. Подобный суверенитет вполне реален даже в условиях частной собственности на землю, ибо в большинстве известных нам законодательств такая собственность определена различными существенными ограничениями. В зависимости от местных условий законодатель нередко не распространяет ее на недра, археологические находки, клады, не разрешает собственнику вести работы, которые могут вызвать эрозию почвы, или даже просто проигнорировать начавшуюся эрозию, не приняв мер по ее пресечению, исключает бесконтрольную рубку леса, ограничивает право разведения на этой земле тех или иных животных (чаще всего свиней, иногда по религиозным, но чаще по санитарным мотивам) и т. д. Соответствующий контроль за сохранностью и использованием ресурсов тер-

ритории должны осуществлять ее власти, и если это этническая территория, то вполне естественна претензия на обладание этой властью со стороны соответствующего этносоциального организма. Понятно, что расходы органов управления данной территориальной единицы должны более или менее соответствовать их доходам, а эти доходы должны в основном складываться из отчислений от прибыли предприятий, расположенных на данной территории. Последовательное проведение этого принципа в жизнь исключит возможность диктата над кем бы то ни было со стороны не только союзных, но и республиканских ведомств, а отступления от него неминуемо будут приводить к усилению такого диктата. Насколько я понимаю, в принципе эти идеи не противоречат ни позициям С. Чешко, ни позициям Л. Перепелкина, ни позициям других авторов, в поддержку или с критикой которых по другим позициям они выступают.

Возрастающая передача прав администрирования, распоряжения финансами, экономического регулирования от высших единиц к низшим, сосредоточение значительной части этих прав в горсоветах, райсоветах, сельсоветах помимо прочего соответствовали бы тем потребностям экологической политики, о которых мне уже приходилось писать более подробно⁴.

Рыночная экономика для своего успешного развития должна быть свободна от мелочной административной опеки, иметь возможность для интеграции не только в общенациональную и общесоюзную, но и в общемировую систему экономических связей. Фермер или фермерский кооператив, производящий специализированную продукцию, может сбывать ее агентству транснациональной корпорации. Чем на более низком уровне будет находиться административный контроль над сделками этих контрагентов или экологический контроль над методами производства продукции, тем это удобнее для контрагентов и производителей. Поэтому, с точки зрения социально-эгоистических интересов, производители заинтересованы в снижении точки центра тяжести административной власти; аппаратная бюрократия, понятно, заинтересована в ее повышении. Законы механики однозначно говорят, что чем ниже расположен центр тяжести физического тела, тем оно устойчивее, и, наоборот, чем выше центр тяжести, тем меньше устойчивости; нам думается, что это справедливо и для общественных структур. Однако безотносительно к тому, на каком уровне будет располагаться этот центр тяжести власти, в любом случае остается двойная возможность выделения территориально-административных единиц, в рамках которых эта власть осуществляется. В одном случае за основу берется принцип регионально-экономической (экономгеографической) целесообразности, в другом — территориальные единицы увязываются с этническими территориями.

Примером первого подхода может служить образование большинства штатов в США и провинций в Канаде. Впрочем, проведенные по прямым линиям параллелей и меридианов границы большинства из них достаточно красноречиво свидетельствуют, что учет экономгеографической целесообразности здесь был очень приблизительным и границы определялись нередко весьма произвольно. Пример второго подхода в очень яркой форме дает Индия. Здесь вскоре после обретения независимости мозаичная, сложившаяся в ходе колониальной истории структура чересполосицы больших и малых княжеств и провинций была коренным образом пересмотрена, и большинство нынешних штатов очень четко укладывается в рамки важнейших этнических границ (в Индии понимаемых как языковые). Такие этносы, как гуджаратцы, махараштрийцы (маратхи), бенгальцы, ория, каннара, телугу (андхра), малаяли, тамилы в основной своей массе укладываются в границы соответствующих штатов. Другие штаты, созданные в районах большей этнической пестроты, тоже, как правило, имеют границы, определяемые логикой расселения важнейших этносов региона.

Итак, для разных континентов характерны принципиально различные подходы к национально-государственному устройству. В Америке, как и в Австралии, государства и штаты складывались как переселенческие колонии, границы их отводились или отмерялись зачастую до того, как начиналось их интенсивное

заселение. В Азии, где этнические общности большинства территорий имеют глубокую древность, повсюду издавна прослеживается тенденция совпадения этнической и даже субэтнической общности с государственной и провинциальной единицей (княжеством, провинцией, сатрапией, аймаком и т. д.). Даже когда верховная власть твердо настаивает на принципе унитарного государства, как, например, в Иране, в административно-территориальном делении обычно преобладает тенденция к его соответствию основным этническим территориям. Классический феодализм средневековой Европы имел своим результатом нигде более не виданную чересполосицу границ, но сегодня почти повсюду в Европе политические и административные границы очень близки к этническим, а относительно небольшие исключения порождают довольно большие проблемы, регулируемые специальными мерами и соглашениями (лужицко-сербская куртурная автономия в ГДР, округа Эйпен и Мальмеди в Бельгии и т. д.). Африка, наконец, несет нелегкое наследие границ, обусловленных колониальным дележом и произволом.

С. В. Чешко (так же, как и В. А. Тишков и Ю. В. Бромлей) считает, что территориальная администрация и территориальная экономика должны обслуживать интересы населения территории, а культурное воспроизводство этносов (у этносов как таковых попросту нет иных интересов, кроме интересов своего расширенного культурного воспроизводства) должно осуществляться организациями, не имеющими территориальной привязки, и обслуживать всех этнофоров, т. е. членов этника, вне зависимости от территории их расселения. В ряде случаев, особенно с дисперсно расселенными этносами, такими, как евреи или цыгане, это действительно, по-видимому, единственно возможное решение. Оно, однако, требует создания специальных структур, в рамках которых могли бы действовать соответствующие организации, и установления определенного порядка их финансирования, чем мы пока еще не располагаем.

Мне думается, что симпатии, которые питают С. В. Чешко и В. А. Тишков к этой «экстерриториальности» механизмов этнокультурного воспроизводства, в значительной мере объясняются тем, что оба они — профессионалы-американисты и лучше всего знакомы с опытом этнокультурного воспроизводства именно на американском (США и Канада) материале. Действительно, в том демократизме, который сопутствует в последние годы процессу этнокультурного развития многих национальных, расовых, конфессиональных меньшинств в США, можно усмотреть много привлекательного. Не следует забывать, однако, что такое свободное развитие в основном стало возможным лишь в самые последние годы, что происходит оно в острой конкурентной борьбе соответствующих организаций за признание, финансовые дотации и преференции и, наконец, что все эти меньшинства расселены преимущественно дисперсно и сложились в основном не на американской почве. Что же касается тех этнических групп, которые являются для американского континента коренными, т. е. индейцев, то их резервации, их племенные руководители все настойчивее, хотя и не очень успешно, требуют признания своих этнических групп на их территориях самостоятельными нациями, по существу обособленными от федерации США или Канады, почти что государственными (или фактически подлинно государственными) образованиями, со своими законами, зонами свободной торговли и прочими атрибутами политической и экономической самостоятельности. И это в США и Канаде, где и экономика в целом несколько стабильнее, чем у нас, и утверждение правового государства продвинулось несколько дальше. Мне кажется неслучайным, что именно в русской аудитории «американский» вариант находит довольно много сторонников, тогда как среди грузин их практически нет, а среди армян если и есть, то только в сильно деэтнизированной среде людей, родившихся и выросших вдали от Армении. Хотя все народы СССР в той или иной степени пострадали от сталинизма, все же наибольшие беды от коллективизации, разорения сел, массовых вынужденных миграций в зоны индустриального гигантизма обрушились именно на русский народ, и множество его представителей оказалось в ситуации, похожей на положение европейских иммигрантов XIX в. в

Америке — оторванных от своих корней и почвы, принужденных к болезненной адаптации в новой и чуждой социальной и культурной обстановке. К тому же многие общественные и культурные институты, которые во всех республиках, кроме РСФСР, последовательно складывались как сугубо национальные, для русских были подменены союзными или федеральными.

В статье О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина этносы подразделены на «незрелые», «зрелые» и «стареющие»⁵. Мне эта типология представляется не очень удачной. Я предпочитаю придерживаться уже многократно преданной анафеме, но не теряющей от этого своей актуальности традиции различения наций и народностей. Народность не стареет автоматически сама по себе, но может не выдержать ассимилятивного пресса ассоциирующей нации, как на наших глазах уже произошло с ливами, происходит с вепсами и рядом других финноязычных небольших народностей. Народность может стремиться к обретению своей государственности, если конкретные условия ее ассоциированности ее не удовлетворяют, и в этом случае она захочет выйти на уровень нации. Так, как мне представляется, обстоит дело с абхазами, все беды и недовольство которых в общем сводятся к тому, что народ этот хочет быть полноценной нацией, но на протяжении многих десятилетий его лишали такой возможности — прежде всего возможности развивать национальную школу и национальную прессу. Или можно иначе сказать, что абхазы это нация, которой исторические обстоятельства не дают окончательно оформиться. Другим ярким примером народности, стремящейся обрести свою государственность (автономию) и выйти на уровень нации, могут служить ногайцы⁶. С другой стороны, абазини на Кавказе, фриулы в Италии, уэльсцы в Англии, фризы в Нидерландах, лужичане в ГДР — примеры народностей, более или менее приемлющих условия своей ассоциированности и, за исключением небольших экстремистских движений, не ставящих вопроса о государственном самоопределении.

Хотя количественный фактор при разделении нации и народности и не следует абсолютизировать, тем не менее он существует. Чисто эмпирически можно констатировать, что численность этноса около 60—70 тыс., видимо, в большинстве случаев является минимальным рубежом, ниже которого формирование институтов, обуславливающих функционирование этносоциального организма как полноценной нации, уже практически невозможно. Чукчи, ханты, манси в Сибири, цахуры и агулы в Дагестане, удины в Азербайджане, насчитывающие от 5 до 20 тыс. человек, составляющие зачастую всего лишь несколько процентов, а то и доли процента на своих исконных этнических территориях, вряд ли могут осуществлять на них экономический суверенитет и самостоятельно обеспечивать свое культурное самовоспроизводство на уровне современной цивилизации. Обязанность более крупных этносоциальных организмов, республиканских и общесоюзных органов власти — обеспечить им оптимальные условия культурного развития и воспроизводства, и здесь определенный патернализм, элементы резервационной политики (не будем бояться этих слов как пугала) неизбежны и необходимы. Тем более это относится к драгоценному, поистине реликтовому языковому и фольклорно-культурному наследию таких малочисленных этносов, как андо-цезские народы в Дагестане, памирские — в горном Бадахшане, кеты, нивхи и юкагиры в Сибири, саамы на европейском Севере России. Здесь нужны неотложные и чрезвычайные меры по охране этих народов от ассимиляции, их языковых и культурных традиций от забвения и исчезновения. Между тем создается впечатление, что многим хотелось бы поскорее увидеть эти народы полностью ассимилированными и растворенными среди более крупных народов — аварцев, таджиков и др. Даже в том случае, когда малые этнические группы полностью осознают свою принадлежность к единой нации, как, например, сваны и цова-тушины (бацбийцы) в составе грузин, все равно охрана и поддержание их языковой и культурной самобытности необходимы, и прежде всего для того, чтобы не допустить обеднения общегрузинского культурного наследия.

Хотя в современном мире есть очень маленькие национальные государства — Монако, Сан-Марино, Науру и др., население которых можно считать «маленькими самостоятельными этносами»⁷, все же, несомненно, этнокультурное воспроизводство этих этносов находится в тесной связи с крупными нациями, с которыми эти этносы ассоциированы — с французской, итальянской, австралийской и т. д. С другой стороны, примеры полноценного социополитического и этнокультурного воспроизводства народов, насчитывающих около 200 тыс. человек, бесспорны и впечатляющи — это Исландия, Мальта, Мальдивская Республика, Фиджи и другие (также преимущественно островные) современные государства. Поэтому в составе населения СССР небезынтересно в этом аспекте рассмотреть этносы, насчитывающие от 60 до 200 тыс. человек (по переписи 1979 г.). Это ингуши (186 тыс.), тувинцы (166 тыс.), коми-пермяки (151 тыс.), калмыки (147 тыс.), карелы (138 тыс.), карачаевцы (131 тыс.), адыгейцы (109 тыс.), абхазы (91 тыс.), хакасы (71 тыс.), балкарцы (66 тыс.), алтайцы (60 тыс.). В этот перечень не включены народы, живущие дисперсно и имеющие основной массив этноса за пределами СССР (финны, турки, курды, венгры и др.). Среди вошедших в перечень народов тувинцы, калмыки, карелы, абхазы имеют свои АССР; балкарцы и ингуши входят в «сдвоенные» АССР, при этом балкарцы в целом как будто удовлетворены своим положением, а ингуши все более настойчиво требуют обособления. Карачаевцы, адыгейцы, хакасы, алтайцы живут в автономных областях. При этом у адыгейцев Адыгейской АО растет стремление к повышению статуса автономии и к более тесным связям с адыгейцами за пределами области и вообще со всем адыгским этническим, включая черкесов и кабардинцев, а карачаевцы все настойчивее требуют восстановления своей отдельной автономии, причем в ранге АССР, для чего уже располагают всеми необходимыми предпосылками⁸. Полуторастатысячный коми-пермяцкий этнос имеет автономию лишь на уровне округа, а почти двухсоттысячный гагаузский этнос не имеет автономии вообще.

Движение за гагаузскую автономию в последнее время становится все активнее. Видимо, ассоциационные связи с молдавской нацией у гагаузов не сложились в той форме, которая удовлетворяла бы нужды их развития. С другой стороны, представляется, что коми-пермяцкий этнос в целом как будто удовлетворен уровнем своей автономии, которая, очевидно, соответствует его реальному этническому бытию в форме народности, тесно ассоциированной с русской нацией. Таким образом, и в СССР, и за рубежом можно наблюдать, как формирующиеся или сформировавшиеся нации, для которых их нынешние административно-юридические статусы становятся тесны, так и ассоциированные народности и национальные группы, не испытывающие особого неудобства от своего ассоциированного положения.

Но если этнос вышел на уровень нации или стремится (ощущает назревшую потребность) выйти на этот уровень, создание какой-либо формы государственности (хотя бы в форме штата, как в Индии) для него становится насущной необходимостью, которая проявляется не только в стремлении к обретению литературного языка, национальной школы, прессы, радиовещания (эти задачи в принципе осуществимы и в рамках культурной автономии, на базе культурных ассоциаций), но и к обретению суверенитета над территорией, которую этнос считает своей, суверенитета политического и экономического, тем более что только такой суверенитет может реально создать надежную базу и для культурного самовоспроизводства на уровне нации.

Конечно, во всем мире, тем более в пределах СССР, трудно найти такую этническую территорию, где не проживали бы и представители ряда других этносов помимо коренного. Притом индекс этнической мозаичности будет обычно тем выше, чем крупнее административная единица, включающая такую территорию. Это еще одна причина, по которой целесообразно передать максимум функций заботы о национальной школе, национальной местной прессе, культурных мероприятиях местным советам — городским, районным, поселковым. Ведь

при неоднородности национального состава по республике в целом население района и села обычно более однородно.

Однако в рамках республики или автономного образования при безусловном признании равноправия всех их отдельных граждан вне зависимости от национальности неправомерно ставить вопрос о равноправии этнических групп в смысле равного распределения ресурсов данной территории для их самовоспроизводства.

На территории Грузии живут абхазы и осетины (как в своих автономиях, так и вне их), а также русские, армяне, азербайджанцы и другие национальные группы. Но если у русских уроженцев Грузии помимо их родины в Грузии есть еще и Россия, а у армян — Армения, то у грузинской нации и грузинского этноса для своего этнокультурного воспроизводства есть только Грузия. Ущемления прав русских, армян, азербайджанцев на свою школу, свою прессу, свой театр быть не должно, но им по согласованию с властями Грузии (не исключая право на определенную часть дотации из республиканского культурного бюджета) может и должна оказываться помощь соответствующими учреждениями России, Армении, Азербайджана. И совершенно справедливо будет, если основная, преобладающая часть бюджета, предназначенного для культуры, будет направлена на развитие грузинского языка, грузинской школы, грузинской прессы, грузинского театра и т. д.

И точно так же на развитие абхазской культуры в Абхазии должна расходоваться большая доля ресурсов, чем на культурное развитие проживающих в ней грузин, армян, греков, русских. С другой стороны, этот постулат не может дать никакого оправдания вандализму, имевшему место в связи с попыткой открыть в Сухуми филиал Тбилисского (грузинского) университета. Думается, при последовательном проведении в жизнь принципов демократии и гуманизма никто не имеет морального права помешать открытию в Сухуми филиала Ереванского университета, если сам он вместе с армянами Абхазии найдет это нужным и возможным, а также греческого культурного центра, кто бы ни был его спонсором.

Мне недавно посчастливилось принимать участие в симпозиуме, организованном Немецким институтом японоведения. Институт этот находится в Токио, хотя принадлежит ФРГ и ею финансируется, сотрудники его в основном немцы, но соответствующие японские организации оказывают ему всяческое содействие. Это, конечно, случай особый, так как в Японии немецкого меньшинства нет, как нет и японского меньшинства в ФРГ, и данный институт служит всецело целям японско-немецкого международного сотрудничества. Но Япония на правительственном уровне поддерживает и финансирует японские культурные центры в Перу, Бразилии и других странах Америки, где есть японское меньшинство, и встречает при этом понимание и содействие правительств этих стран, во многом еще и потому, что эти центры никогда не бывают замкнуто японскими, они открыты для всех граждан, желающих как-то приобщиться к японской культуре, искусству, спорту, языку. Нельзя сказать, что в СССР нет ничего подобного: в Москве функционируют, например, армянский и грузинский культурные центры. Но такого рода межкультурная деятельность должна быть во много крат более широкой и повсеместной. В ряде случаев, например для обеспечения культурных нужд русских, греков, курдов (езидов), азербайджанцев, ассирийцев в Грузии, Армении, автономиях Северного Кавказа, комплекса таких мер (т. е. взаимодействия культурных ассоциаций, землячеств, культурных центров, различных линий межреспубликанского сотрудничества) при их надлежащем развитии будет вполне достаточно для того, чтобы приоритет, отдаваемый задачам культурного воспроизводства «статусной», или «титульной», нации, не воспринимался бы меньшинством как ущемление их интересов.

Есть, однако, области этнической чересполосицы, где уже возникли и неизбежно будут возникать острые межэтнические конфликты. В кавказском регионе можно выделить следующие наиболее горячие очаги противоречий: чеченско-дагестанско-ногайский на стыке Чечни, Дагестана и Ставрополя; чеченско-

(аккинско)-дагестанский в прилежащих к Чечне районах Дагестана; дагестанско-(лезгинско)-азербайджанский в Северном Азербайджане; осетинско-ингушский на правом берегу Терека в Осетии и, разумеется, наиболее конфликтный из всех — армянско-азербайджанский в Карабахе.

Я глубоко убежден, что в современных условиях любая попытка перекройки границ где бы то ни было, будь то в Европе, в Африке или в СССР, должна решительно отменяться, так как, не разрешая старых проблем, она неминуемо будет порождать новые, вести к несчастьям и кровопролитиям. Однако нынешняя ситуация, когда соответствующие национальные группы ощущают себя отданными под власть органов управления, выражающих, по их мнению, совершенно иные национальные интересы, воспринимающиеся значительной частью населения этих групп как враждебные, тоже не может оставаться неизменной. Выход из этого противоречия я бы предложил в форме двусторонних, а если необходимо, то и трехсторонних, притом находящихся под контролем центра кондоминиумов.

Кондоминиум, или совместное управление, хорошо известен из сравнительно недавней международной практики: это англо-египетский Судан, англо-французские Новые Гебриды до достижения ими независимости. При обязательном во всяком демократическом строе широком самоуправлении территории надзор за этим самоуправлением и связи его органов с вышестоящими органами республик-соправителей должны осуществляться через двустороннюю, а если надо, то и трехстороннюю верховную комиссию территорий.

В недавно принятом законе «о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»⁹ положения о кондоминиуме, к сожалению, отсутствуют. Однако можно считать, что этот закон в целом представляет собой приемлемую стартовую платформу, которая в дальнейшем непременно будет подвергаться модификациям и дополнениям. Утверждение положения о кондоминиуме и шаги к введению кондоминиума в вышеперечисленных, а возможно, и в некоторых других конфликтах могли бы стать началом мер по смягчению этих конфликтов и их последующему изживанию.

Еще более важным представляется принятие закона «О свободном национальном развитии граждан, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»¹⁰, который подводит правовую основу под большинство задач культурного развития национальных групп, отмеченных выше. Но проведение в жизнь этого закона, и прежде всего его основополагающих статей (раздел 1), невозможно без упорочия именно экономического суверенитета союзных и автономных республик.

Большое значение для рассматриваемой темы имеет также закон «О местном самоуправлении». Однако детальное рассмотрение этих и других существенных для перспектив этнокультурного развития народов СССР законодательных актов вряд ли возможно в рамках статьи для журнала, не имеющего юридической специализации. Следует отметить лишь, что в соответствии с характером нашего времени, обозначенного стремлением к революционному переходу от старых тоталитарных структур к новым, демократическим, практически все эти акты носят промежуточный, переходный характер. Было бы по меньшей мере несерьезно полагать, что наше общество будет в XXI в. жить по этим сегодня поспешно оформляемым законам. Столь же несерьезно было бы думать, что сегодня наши законодатели при практически полном отсутствии у них опыта демократического правового государственного строительства в состоянии создавать иные законы, пригодные для жизни в XXI в. Их нужно расценивать лишь с точки зрения того, дают ли они приемлемую стартовую базу для начала преобразований, в ходе которых, несомненно, сами эти законы будут неоднократно дополняться и видоизменяться.

Однако опасно было бы думать, что для совершенствования принципов, на которые должны опираться задачи этнокультурного строительства народов

СССР в современных условиях, у нас осталось так уж много времени. В 1-м и 2-м номерах нашего журнала за прошлый год мне уже приходилось высказываться на эту тему в ходе дискуссии в рамках Межведомственного научного совета по изучению межнациональных процессов, освещавшейся на страницах «Советской этнографии»¹¹. В этой дискуссии анализировались опасные тенденции, угрожающие единству Союза ССР, обсуждались неотложные меры, могущие противостоять этим тенденциям. С тех пор прошло менее 2 лет, меры своевременно приняты не были, а намечавшиеся тенденции стали свершившимися весьма безрадостными фактами. Сегодня уже ни силовые приемы, ни экономические санкции, обладающие к тому же свойствами бумеранга, не обратят вспять начавшегося процесса отделения Прибалтийских республик от Союза. Промедление с предоставлением союзным республикам и автономиям должной полноты экономического суверенитета может привести к аналогичным результатам в других регионах. Народы СССР все более отчетливо понимают, что их нормальное этнокультурное воспроизводство невозможно без суверенитета этносоциальных организмов (наций) над ресурсами своих исконных этнических территорий. Попытки сохранения вертикальных многоступенчатых имперско-административных структур распоряжения этими ресурсами ведут в тупик. Реальная историческая перспектива есть только у развития горизонтальных связей между экономически суверенными этнотерриториальными партнерами. Только оно может превратить нашу устаревшую централизованную структуру, лишь формально носящую имя Союза, в процветающее содружество подлинно равноправных советских наций.

Примечания

¹ Чешко С. В. Антитезисы к тезисам без надежды на синтез // Сов. этнография (далее — СЭ). 1990. № 4; Перепелкин Л. С. Возвращаясь к напечатанному // СЭ. 1990. № 4.

² Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки // Вопр. истории. 1989. № 1; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; Чешко С. В. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2; Коротева В. В., Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15; Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов // СЭ. 1989. № 4.

³ Английский социолог Энтони Коэн пишет, в частности: «Чем крупнее и отдаленнее от составных частей общества становится правительство, тем более централизованной и заорганизованной становится его экономика, тем меньше остается веры в его надежность как выразителя самосознания народа. В Европе наднациональная власть в ЕЭС ставит правительство все дальше от областей, чем раньше... большинство людей при этом чувствует, что они недопредставлены и недопоняты. В результате они приобретают интроспективную политическую ориентацию и тянутся назад к более надежным уровням общества, к которым могут себя самопричислить». См.: Cohen A. P. The Symbolic Construction of Community, L., 1985. P. 106.

⁴ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 238—242.

⁵ Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Указ. раб. С. 37.

⁶ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Ногайцы — проблемы национальных отношений и культуры // СЭ. 1990. № 2. С. 20.

⁷ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 253.

⁸ Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // СЭ. 1990. № 2. С. 27—28.

⁹ Правда. 1990. 4 мая.

¹⁰ Правда. 1990. 7 мая.

¹¹ Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов // СЭ. 1989. № 1. С. 21; заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов // СЭ. 1989. № 2. С. 20.